благое в зло превратити». «Начальники» — это светские лица, занимавшие высокие должности в государственном аппарате; «священноначальники» — это церковные иерархи. «Учители» — это, конечно, не те школьные учителя, о которых говорил Стоглав; это церковные деятели, которые хотя могли и не иметь высокого сана, но были в то же время идеологами церкви; это были те, которые «учили всех на вся душеполезная и спасенная», как сказано в грамоте митрополита Алексея 1356 г. Таким был, например, инок Отенского монастыря Зиновий, современник Федорова. Он много писал против современных еретиков. Как поборник старины, Зиновий считал недопустимым «возводить в книжные речи от народных».[65]

Обвинение в ереси — страшное обвинение. И под него можно было подвести нарушения «буквы» богослужебных книг, которые в первопечатном Апостоле и во втором издании Часовника встречаются на каждом шагу. Ведь именно такая ересь лет за сорок до того послужила если не причиной, то поводом к тому, чтобы Максима Грека, заковав в кандалы, бросили в тюрьму, запретив ему писать.[66] Подобной же каре в 1618 г. подвергся архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий вместе со своими товарищами за то, что в исправленном ими в соответствии с каноном Потребнике, по доносу некоторых лаврских монахов, нашли ересь, хотя ее там и и в помине не было.[67]

Однако для Федорова и Мстиславца нестрашен был официальный суд, так как все исправления против рукописных книг, в том числе и против Апостола самого митрополита Филиппа Колычева,[68] были сделаны и одобрены соответствующими властями, иначе они не перепечатывались бы в течение столетия Московским печатным двором. Поэтому, обвиняя первопечатников в ереси, враги книгопечатания возбудили против них «черных людей града Москвы», как называет Никоновская летопись московский посад.[69]

Но помимо причины политического характера — ненависти феодальной оппозиции к книгопечатанию, как к одному из средств идеологического укрепления централизованного государства — возможно, были и причины иного порядка, вызвавшие обвинение первопечатников в ереси. О «зависти и ненависти» к первопечатникам со стороны «ненаучных и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше», пишет сам Федоров в той же львовской «Повести». Вряд ли можно игнорировать это свидетельство первопечатника. Но эти «зависть и ненависть» исходили из другого источника. Подготовка к печати Апостола и Часовника требовали и «разума», и «грамотической хитрости». Последней обладали в то время немногие. Признание, которое получили у властей Апостол и второе издание Часовника, и породило в них «зависть и ненависть» к первопечатникам. А так как текст этих изданий к тому же сильно отличался от обычных, то завистники и свой голос присоединили к голосу «начальников», «священноначальников» и «учителей», обвинявших первопечатников в ереси.

Не исключены и моменты чисто личного порядка. Книгопечатание — детище Грозного. Флетчер писал, что «типография была основана ...

---

[65] См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время, изд. 2. Киев, 1915, стр. 471.
[66] Там же, стр. 477, 495—496.
[67] Макарий. История русской церкви, т. VIII, кн. III, стр. 178—185.
[68] Хранится в БАН: «Сол. 5». На первом, пустом листе написано: «Апостол Филиппа митрополита», на другой стороне: «Книга игумена Филиппа Колычева, Апостол».
[69] ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 194.